

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Увеличенные поры

Ульф Варг, что из отдела деликатных расследований, вел свой серебристо-серый «Сааб» в пейзаже, где все расстояния были невелики. Направлялся он в один из сельских оздоровительных центров, на психотерапевтическую группу, и поездка в «Саабе» — подумалось ему — вполне могла считаться частью терапии. Вокруг него раскинулась Южная Швеция: местность, сплошь поделенная на фермерские хозяйства, переходившие из поколения в поколение в одном и том же роду. Здесь и там — белые точки на зеленом фоне — виднелись дома тех, кто возделывал эту землю. Люди это были оседлые и памятливые, если не сказать злопамятные; их метафорический кругозор заканчивался там, где небо встречалось с землей — порой до горизонта было подать рукой; они редко куда выезжали, да и не имели особого желания куда-то ездить.

Он задумался об образе жизни этих людей, таком отличном от того, что он вел в Мальмё. Здесь не было никаких срочных дел; не было нужды выполнять поставленные перед тобою задачи, писать рапорты и отчеты. Не было разговоров о входящих и исходящих, о культуре коммуникации. Люди здесь по большей части работали на себя — и ни на кого

другого; они знали, что скажут их соседи по тому или иному поводу, потому что слышали это уже много раз, и было это привычно, точно погода. Они в точности знали, кто кому нравится, а кто — нет; знали, кому не приходится доверять; кто как поступил, пускай даже и многие годы назад, и какие были последствия. Служить в полиции здесь, должно быть, нетрудно, подумал Ульф: секретов здесь не водится. О преступлении становится известно чуть ли не до того, как его совершат, да и сами преступления можно по пальцам пересчитать. Люди здесь сплошь законопослушные конформисты и ведут праведную — ни шага влево, ни шага вправо — жизнь до самой могилы. И они в точности знали, где будет находиться эта самая могила: там же, где лежат их родители и родители их родителей.

Ульф опустил окно и полной грудью вдохнул деревенский воздух, в котором чувствовались какие-то цветочные нотки: дрок, должно быть, подумал он, или вот эти цветущие деревья в саду, тянувшемся вдоль обочины. Он не слишком разбирался в деревьях и никогда не мог толком вспомнить, чем одно плодородное дерево отличается от другого, хотя ему помнилось, что в этих местах выращивали яблоки — или это были персики? Как бы то ни было, деревья стояли в цвету, хотя — насколько он слышал — и позднее обычного, потому что в этом году весна в Швецию пришла с запозданием. Если вдуматься, запаздывало в этом году абсолютно все — в том числе и продвижение по службе. Ульфу было сказано — неофициально, — что в отделе деликатных расследований его ждет повышение. Сказано это было уже несколько месяцев назад, а воз был и поныне там.

Глупо было заранее тратить предполагавшуюся прибавку к жалованью на новую мебель в гостиную — тем более с обивкой мягкой флорентийской кожей. Это была экстравагантная трата, и, поскольку жалованье осталось прежним, Ульфу пришлось в конце концов перевести нужные средства со своего сберегательного счета. Ему это было совершенно не по душе, поскольку он дал себе обещание не залезать в отложенные средства до тех пор, пока ему не исполнится шестьдесят, а до этого момента оставалось еще ровно двадцать лет. Но двадцать лет — это долгий срок, и кто знает, доживет ли он вообще до этого времени.

Вообще-то Ульфу было несвойственно предаваться меланхолическим размышлениям об участи смертных. Он не был всемогущ; его работа состояла в том, чтобы защищать одних людей от других, которые так или иначе желали причинить вред этим первым; в том, чтобы бороться с преступностью, пускай и на довольно странном конце криминального спектра. Ульф решил про себя, что он не может взвалить на свои плечи все беды этого мира. Да и кто бы смог? Ульфа нельзя было назвать равнодушным, безответственным гражданином, бездумно сеющим повсюду пластиковые пакеты. Он заботился о том, чтобы оставлять как можно меньший углеродный след — если не считать «Сааба», конечно, который все-таки потреблял ископаемое горючее, а не электричество. Но если не принимать «Сааб» в расчет, то Ульфу не было нужды тушеваться в разговоре с поборниками экологии, в том числе — с коллегой Эриком, который мог бесконечно распространяться о рыболовных квотах и который каждые выходные

всячески старался выловить все, что оставалось после этих самых квот. Эрик никогда не забывал добавить, что он выпускает на волю каждую пойманную рыбу, но Ульф как-то указал ему, что рыба в этой ситуации наверняка получает психологическую травму и, скорее всего, прежней ей уже не бывать.

— Для рыбы это очень серьезно — быть пойманной, — сказал он тогда Эрику. — Даже если ты ее отпустишь, она уже никогда не будет чувствовать себя в безопасности.

Эрик отмахнулся от этого предположения, но было ясно, что замечание Ульфа попало в цель. И Ульф немедленно пожалел о своих словах, потому что Эрика вообще было очень легко сбить с толку. Эриком быть и так достаточно тяжело, размышляя Ульф, и без того, чтобы терпеть критику от таких, как я. Ульф был человеком добрым, и пускай разговоры Эрика о рыбе и были немалым для него испытанием, все равно — считал он — их нужно терпеливо выслушивать; и, может даже, узнавать что-то для себя новое; хотя вот это последнее — вряд ли, прибавил про себя Ульф.

И все же, едучи в «Саабе» по тихой сельской дороге, Ульф размышляя не об экологии и не о долгосрочных перспективах, лежащих перед человечеством, а о неловкой ситуации, сложившейся в ходе одного из расследований отдела. Как правило, отдел деликатных расследований не брал на себя рутинных дел, предоставляя разбираться полиции на местах. Но временами случалось, что политический либо социальный аспект какого-либо — в остальном совершенно обычного — дела означал, что оно переходит в руки отдела. Это конкретное дело каса-

лось легких телесных, нанесенных неким лютеранским пастором: он расквасил потерпевшему нос на глазах у, по крайней мере, пятнадцати свидетелей. Одно это само по себе уже было необычно, поскольку лютеранские пасторы не слишком часто фигурируют в криминальных сводках, но внимание отдела деликатных расследований привлекла не столько личность преступника, сколько его жертвы. Пострадавший нос принадлежал предводителю цыганского табора.

— Охраняемый вид, — заметил Карл, коллега Ульфа.

— *Tattare*¹, — пробормотал себе под нос Эрик и нарвался на резкую отповедь их общей коллеги Анны, которой лучше всех них, вместе взятых, были известны границы дозволенного.

Заведя глаза к потолку, она сказала:

— Они — не варвары, Эрик. Они — *Resande*², кочевое национальное меньшинство.

Ульф решил разрядить обстановку.

— Эрик имеет в виду варварское поведение людей, — сказал он, — которое приводит к подобным инцидентам.

— Вот только наверняка он это заслужил, — пробормотал себе под нос Эрик.

Ульф решил это проигнорировать и принялся разглядывать фотографии замешанного в деле носа.

¹ *Tattare* (шведск.) — букв.: «бродяга»; шведское название цыган, носящее пренебрежительную окраску.

² *Resande* (шведск.) — букв.: «путешественники»; шведское название цыган, не носящее пренебрежительной окраски.

Снимки были сделаны в травматологическом отделении местной больницы, и видно было, что из левой ноздри все еще сочится кровь. В остальном нос был ничем не примечательный, хотя Ульф не мог не заметить, что поры по обе стороны ноздрей были слегка увеличены.

— Тут какие-то странные отверстия, — сказал он, поднимаясь с места и передавая папку Анне, чей стол — из четырех, находившихся в кабинете, — стоял ближе всего. — Только посмотри, в каком состоянии кожа у этого бедняги.

Анна внимательно изучила фотографию.

— Увеличенные поры, — сказала она. — Жирный тип кожи.

Карл, который писал отчет, поднял глаза от бумаг.

— Интересно, нельзя ли что-нибудь с этим поделать? — осведомился он. — Иногда я смотрю в зеркало — то есть, если разглядываю нос, очень пристально — то вижу маленькие такие дырочки. И думаю, что же это такое.

Анна кивнула.

— Да то же самое — и это совершенно нормально. Они появляются в тех местах, где кожа жирнее. Работают как своего рода дренаж.

Карл был заинтригован. Бессознательным движением он поднял руку к лицу и потрогал нос.

— А можно ли что-нибудь с этим поделать?

Анна передала папку обратно Ульфу.

— Мой лицо, — ответила она. — Используй средства для очистки кожи. А еще, в особых случаях, можно приложить к ним кусочек льда. Поры стянутся и станут менее заметными.

— О, — произнес Карл. — Лед?

— Да, — сказала Анна. — Но самое важное — это держать кожу в чистоте. Я так понимаю, макияж ты не носишь...

Карл улыбнулся.

— Пока нет.

На это Анна заметила, что некоторые мужчины носят макияж.

— В наше время можно краситься как тебе угодно. В кафе через дорогу ходит один мужчина — вы замечали? Он румянится — и довольно густо. Ему надо быть поосторожнее — если не смывать макияж достаточно тщательно, можно забить себе поры.

— И чего это ему вздумалось краситься? — спросил Карл. — Представить себе этого не могу — мазать лицо какими-то химикатами.

— Потому что ему хочется выглядеть как можно лучше, — сказала Анна. — Люди, как правило, выглядят вовсе не так, как им хочется. Грустно, наверное, но такова жизнь.

— Очень странно, — сказал Ульф, но думал он при этом скорее о расследовании, а не о косметике.

Виновного в нападении на цыгана должны были привлечь к ответственности — быстро и без особых осложнений. Если бы не тот факт, что ни один из пятнадцати свидетелей не собирался давать показания. Четверо сказали, что в нужный момент смотрели в другую сторону; еще пятеро уверяли, будто во время столкновения глаза у них оказались закрыты — один даже заявил, будто он спал; а остальные сказали, что ничего не помнят и сомневаются, имели вообще место подобный инцидент. В итоге остались только показания пострадавшего — и люте-

ранского пастора. Пострадавший без тени сомнения описал то, что случилось: он занимался своими делами на городской площади, когда вдруг к нему подскочил незнакомец в пасторском облачении и ударил его прямо в нос. Это, конечно, случилось потому, заявил он, что он — пострадавший — принадлежал к кочевому меньшинству. «Мы уже привыкли к подобному обращению со стороны оседлых общин. Они завидуют нашей свободе».

Что же до пастора, то он уверял, будто ему ни с того ни с сего преградил дорогу совершенно незнакомый ему человек, который оживленно, но абсолютно невнятно о чем-то толковал, и был настолько этим увлечен, что сам не заметил, как врезался носом в фонарный столб. Пастор, по его словам, был так озабочен травмой, нанесенной несчастным самому себе, что даже предложил ему свой носовой платок, который был самым неблагодарным образом отвергнут. Предположение, будто он мог ударить этого человека, было невысказанным и, безусловно, не соответствовало действительности. «Некоторые люди — ужасные обманщики, — заключил он. — Бог с ними, да у них вообще никакого стыда нет. Не то чтобы я намекал на какую-то отдельную национальность, вы понимаете».

Ульф сказал обоим, что, может быть, лучшее решение проблемы — принести друг другу извинения и забыть обо всем случившемся. «Когда мы не уверены, что именно произошло на самом деле, — пояснил он, — иногда лучше оставить все так, как есть. В нашем случае есть разные точки зрения на этот конфликт, и если стороны готовы допустить возможность примирения...»

По выражению лица пострадавшего было ясно, что это предложение совершенно ему не понравилось. Он надулся — в буквальном смысле: шея у него набухла так, что Ульф начал опасаться за его давление; а глаза яростно сузились. «Так, значит, нос ромалэ стоит меньше прочих? — прошипел он. — Вы это пытаетесь мне сказать?»

— Я вовсе не собирался как-либо оценивать ваш нос, — спокойно ответил Ульф. — И позвольте мне вас заверить, что для нас все носы одинаково равны.

— Это вы только так говорите, — отрезал пострадавший. — Но когда доходит до дела, то все совсем по-другому, верно? — тут он обиженно повысил голос и, метнув на Ульфа яростный взгляд, продолжал: — Мой нос — такой же шведский, как и ваш.

Ульф глядел на него в ответ. Его всегда раздражала прямая агрессия, а этот человек, подумал он, вел себя вызывающе без особых на то причин. Но в то же время Ульф помнил, что имеет дело с представителем меньшинства, которое столь многие недолюбливали. Немудрено, что он ведет себя по-другому.

— Конечно, такой же. Я и не говорил, что другой, — ответил он примирительно.

— Но вы же собираетесь его отпустить, правда? Человека, который меня стукнул? Так ведь?

Это задело Ульфа за живое.

— Вили... — он осекся, вдруг осознав, что не помнит имени пострадавшего. Имя, конечно, было в деле — но папки под рукой у Ульфа не было. Исключительно неудачный *lapsus memoriae*, учитывая, что его только что обвинили в дискриминации. Имя пастора он помнил, а этого человека — нет. — Вили...

— Видите! — прошипел потерпевший. — Вы даже не потрудились запомнить мое имя.

Ульф слотнул.

— Простите, — теперь он вспомнил и поражался, как это он мог забыть: Вилигот Даниор. — Простите меня, Вилигот. Понимаете, я постоянно решаю множество проблем. Дела наваливаются на меня со всех сторон, и иногда случается, что детали от меня ускользают. Но я хочу сказать вам следующее: ваше дело я просто так не оставляю. Я прекрасно понимаю ваши чувства и убежден, что пастора необходимо привлечь к ответственности.

Вилигот явно расслабился:

— Прекрасно. Просто прекрасно.

— И поэтому я предлагаю выдвинуть против него обвинения. Дальше уже судьбе решать, кому верить. На суде ваше слово против его слова, и нам остается только надеяться, что суд сумеет разобраться, кто говорит правду.

— То есть я, — быстро сказал Вилигот.

— Если вы так говорите, — ответил Ульф, — то я буду вам верить, пока мне не докажут обратное. В конце концов, разбитый нос не мог возникнуть на пустом месте.

— Особенно если учесть, что на площади нет фонарных столбов, — добавил Вилигот.

Ульф на секунду задумался. Потом улыбнулся.

— Кажется, вы только что меня убедили, — ответил он.

Суд был убежден равным образом, к большому неудовольствию подзащитного, которому была предъявлена фотография места преступления. Где именно — спросили у пастора — стоял тот столб,

в который врезался пострадавший? После этого дело пастора было окончательно проиграно. Его оштрафовали и дали суровое предупреждение.

— Человек, принявший сан, принимает на себя и долг порядочности, — сказал ему судья. — А вы самым серьезным образом изменили этому долгу.

Ульф был уверен, что справедливость восторжествовала. Вилигот стал жертвой ничем не спровоцированного нападения потому, что он принадлежал к непопулярному меньшинству. От пастора ждешь большей толерантности, чем от рядового члена общества, но, видимо, некоторые из них питали самые вульгарные предубеждения и злобу. И все же было в этом деле нечто странное, и Ульф не был до конца уверен, что он добрался до самой сути.

Понимание, однако, пришло — спустя всего полчаса после заседания. Ульф вышел из здания суда и направился в ближайшую кофейню купить себе капучино; и тут к нему подошел один из тех свидетелей, которые якобы ничего не видели. Это был почтальон, который во время стычки проходил мимо — но смотрел в другую сторону.

— Ульф Варг, — произнес почтальон. — Надеюсь, вы довольны.

Ульф посмотрел на него — предостерегающе:

— Что вы имеете в виду?

Но почтальона было не так-то легко смутить.

— Этот тип, — тут он раздраженно мотнул головой в направлении здания суда. — Этот потерпевший, Даниор, — слово «потерпевший» он практически выплюнул. — Вы хоть что-нибудь о нем знаете? Вы знаете, чем он занимается?

Ульф пожал плечами.

